

**Ольга Михайловна
РОДИОНОВА,**

доктор юридических наук,
профессор кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
omrodionova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Права на свой интерес и свою волю в условиях цифровизации имущественных отношений¹

Аннотация. Из анализа состояния имущественных отношений, опосредуемых цифровыми информационными системами, следует, что они с высокой степенью вероятности сопряжены с манипуляцией общественным сознанием, осуществляемой владельцами указанных систем с целью извлечения прибыли, которая как минимум ведет к снижению уровня доверия в обществе, лежащего в основе любых человеческих взаимодействий, и, как следствие, повышает конфликтность. Обосновывается, что вероятность манипуляции общественным сознанием в оцифрованных имущественных отношениях влечет сомнения в том, что их участники у в действительности руководствуются своим реальным интересом. Предлагается осмыслить свой (персонифицированный) интерес и свою (автономную) волю как субъективные права наиболее общего типа, определить пределы их претворения в жизнь и меры защиты, в том числе превентивного характера, в рамках соответствующих положений гражданского, антимонопольного, информационного законодательства, а также законодательства о защите персональных данных.

Ключевые слова: интерес, автономия воли, манипуляция общественным сознанием, информационные системы, персональные данные.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.87.11.126-135

O. M. RODIONOVA,

Dr. Sci. (Law),

Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

omrodionova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Rights to one's own Interest and one's Will in the Conditions of Digitalization of Property Relations

Abstract. From the analysis of the state of property relations mediated by digital information systems, it follows that they are highly likely associated with manipulation of public consciousness carried out by the owners of these systems in order to extract profit, which, at least, leads to a decrease in the

¹ Научное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00998-21-00 от 22.12.2020 на тему «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы» (FSMW-2020-0030).

level of trust in society, underlying any human interactions, and, as a consequence, increases conflict. It is proved that the probability of manipulation of public consciousness in "digitized" property relations entails doubts that their participants are actually guided by their real interest. It is proposed to comprehend one's (personalized) interest and one's (autonomous) will as subjective rights of the most general type, to determine the limits of their implementation and protection measures, including preventive ones, within the relevant provisions of civil, antimonopoly, information legislation, as well as legislation on the protection of personal data.

Keywords: *interest, autonomy of will, manipulation of public consciousness, information systems, personal data.*

Онлайн-платформы, социальные сети, экосистемы и иные информационные системы в самом широком их понимании² стремительно приобретают значимость в гражданском обороте, выступая в первую очередь средством организации удаленных имущественных и личных неимущественных отношений, что определяется их удобством, низкими затратами, оперативностью и прочими возможностями, создающими положительные экономические эффекты.

Однако их роль не сводится только к технологическому опосредованию таких взаимодействий. Цифровые ресурсы часто используются для воздействия на психику отдельных людей и общественное сознание, и прежде всего в целях еще большего увеличения прибыли. Анализ такого воздействия очень важен для всего права в целом и в особенности для гражданского права, построенного на презумпции того, что лицо действует своей волей и в своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Сомнение в истинности того, что определяется в качестве своего интереса, лишает систему частноправового регулирования единственного базового критерия ее применения.

Зарубежные исследователи отмечают, что владельцы информационных систем уже имеют возможность «использования онлайн-данных для алгоритмического прогнозирования и влияния на поведение человека таким образом, чтобы пользователи не осознавали такое влияние»³. Иностранные аналитики призывают к созданию «адаптивных регуляторных структур, которые могут ограничивать извлечение информации и модуляцию чьего-либо разума»⁴.

² Рожкова М. А. Сайт, информационный ресурс, информационная система, онлайн-платформа — что это такое и как они взаимосвязаны между собой? // Закон.ру. 19.04.2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/19/sajt_informacionnyj_resurs_informacionnaya_sistema_onlajn-platforma_chno_eto_takoe_i_kak_oni_vzaimo (дата обращения: 07.11.2021).

³ Ienca M., Vayena E. Cambridge Analytica and Online Manipulation // URL: <https://blogs.scientificamerican.com/observations/cambridge-analytica-and-online-manipulation/> (дата обращения: 07.11.2021); Kramer A. D. I., Guillory J. E., Hancock J. T. Emotional contagion through social networks // National Academy of Sciences. 2014. № 111 (24).

⁴ Four ethical priorities for neurotechnologies and AI / R. Yuste, S. Goering, B. Arcas [et al] // Nature. 2017. № 551. P.159—163.

В отечественных публицистических изданиях опасения зарубежных коллег разделяют в полной мере⁵. Степень общественной опасности угроз не стоит преуменьшать, ссылаясь на то, что «попытки манипулировать подсознанием других людей и связанным с ними поведением стары как история человечества»⁶.

В цифровой экосистеме желающие скрыто воздействовать на общественное сознание могут использовать аналитику больших данных для выявления когнитивных уязвимостей в больших наборах пользовательских данных и использовать их в обход индивидуального рационального контроля⁷, достаточно быстро доведя общество до утраты доверия в той степени, которая грозит потерей какой-либо управляемости, анархией, революцией⁸ и др.

Вместе с тем экономическая привлекательность цифровизации общественных отношений настолько велика, что ее планируется только наращивать, переводя на новый уровень. Такие виртуальные среды, как социальные сети, видеоконференции, виртуальные трехмерные миры (например, VR-чат), приложения с дополненной реальностью (например, Pokemon Go) и игры с перемещаемыми токенами (например, Upland) позволили людям приобрести опыт цифровой трансформации отдельных аспектов человеческих взаимодействий⁹. Теперь открываются возможности для создания так называемой «метавселенной» — общего цифрового мира, объединяющего «физическую», дополненную и виртуальную реальности¹⁰, которая придумана для дальнейшего облегчения цифровой трансформации всех аспектов нашей физической жизни.

Показательно, что 28.10.2021 М. Цукерберг — создатель самой крупной социальной сети Facebook — объявил о создании компании Meta, целью которой

⁵ Самуев П. Три угрозы цифрового рабства // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/26/848303-tri-ugrozi-tsifrovogo-rabstva> (дата обращения: 07.11.2021); Экосистемы: подходы к регулированию: доклад для общественных консультаций. 2021 // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 07.11.2021).

⁶ Ienca M., Vayena E. Op. cit.

⁷ См.: Щеглова И. А. Этические и правовые аспекты использования данных из социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 81—87; Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43—66.

⁸ См.: Негодаева О. Б. Изучение проблемы манипуляции сознанием в контексте риска // Проблемы науки. 2012. № 14 (14).

⁹ Lee L. H., Braud P., Zhou T., Wang P., Xu L., Lin D., Kumar Z., Bermejo A., Hui Pan C. All One Needs to Know about Metaverse: A Complete Survey on Technological Singularity, Virtual Ecosystem, and Research Agenda. 2021 // URL: https://www.researchgate.net/publication/355172308_All_One_Needs_to_Know_about_Metaverse_A_Complete_Survey_on_Technological_Singularity_Virtual_Ecosystem_and_Research_Agenda (дата обращения: 07.11.2021).

¹⁰ Делюкин Е. Что такое «метавселенная», которую строит Марк Цукерберг, Сатья Наделла и Тима Суини и зачем это нужно // URL: <https://vc.ru/future/281044-chto-takoe-metavselennaya-kotoruyu-stroyat-mark-cukerberg-satya-nadella-i-tim-suini-i-zachem-etonuzhno> (дата обращения: 07.11.2021).

выступает создание метавселенной¹¹. В качестве основного источника прибыли компании он обозначил «очень большую цифровую экономику», открывающуюся внутри самой метавселенной, имея в виду прежде всего торговлю цифровыми товарами, включая одежду, животных, автомобили и все, что можно придумать и воплотить в цифровой реальности. Востребованными, очевидно, окажутся также цифровые работы и услуги¹².

Таким образом, имущественные отношения планируется в значительной мере опосредовать всеобъемлющей цифровой технологией.

Вместе с тем как сам М. Цукерберг, так и его команда, понимают, что построение метавселенной пока тормозится не только отсутствием необходимых технологий, но и неготовностью общества к тотальной цифровизации имущественного оборота¹³, выражающейся прежде всего, по мнению создателей метавселенной, в так называемом «парадоксе конфиденциальности». Он состоит в том, что пользователи охотно делятся своей собственной информацией, не обращая внимания на то, как используются их персональные данные, но проявляют очень сильную негативную реакцию, когда разница между фактическим и предполагаемым использованием этих данных становится явной и слишком контрастной¹⁴. Очевидно, что «парадокс конфиденциальности» в действительности состоит в том, что пользователи опасаются именно манипулирования своими интересами и ценностями, приводящими к неблагоприятным для них последствиям.

Наиболее радикальным решением этой проблемы мог бы быть отказ от сбора любых пользовательских данных. Однако это, очевидно, значительно уменьшит потенциальные инновации, которые могла бы обеспечить экосистема.

Другое решение состоит в том, чтобы разрешить «торговлю конфиденциальностью» с согласия пользователей, которые могут «отдавать» свои персональные данные в обмен на денежные или иные выгоды¹⁵. Исследователи уже представили свои идеи об «экономике конфиденциальности»¹⁶ и разработке эффективного рынка для «торговли конфиденциальностью»¹⁷. Думается, такой

¹¹ Mark Zuckerberg and Meta executives share their vision for the metaverse — the next evolution of social technology, built by people like you // URL: <https://www.facebook.com/facebookrealitylabs/videos/561535698440683/> (дата обращения: 07.11.2021).

¹² URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617fbbc79a79476037fa0591> (дата обращения: 07.11.2021).

¹³ Heath A. Mark Zuckerberg on why Facebook is rebranding to meta // URL: <https://www.theverge.com/22749919/mark-zuckerberg-facebook-meta-company-rebrand> (дата обращения: 07.11.2021) ; Раскладываем Meta Цукерберга по полочкам: угрозы, план заработка и кто еще в игре // URL: <https://vc.ru/marketing/313057-raskladyvaem-meta-cukerberga-popolochkam-ugrozy-plan-zarabotka-i-kto-eshche-v-igre> (дата обращения: 07.11.2021).

¹⁴ Ienca M., Vayena E. Op. cit.

¹⁵ Merkel seeks to let internet companies gather more personal data on Germans // URL: <https://www.rt.com/news/367443-germany-gather-personal-data/> (дата обращения: 07.11.2021).

¹⁶ Acquisti A., Taylor C., Wagman L. The economics of privacy // Journal of Economic Literature. 2016. № 54 (2). P. 42—92.

¹⁷ Pal R., Crowcroft J., Kumar A., Hui P., Haddadi H., De S., Ng I., Tarkoma S., Mortier R. Privacy markets in the Apps and IoT age. Technical Report UCAM-CL-TR-925, University of Cambridge,

подход действительно может обеспечить поток данных, необходимых для потенциальных инноваций. В экономическом смысле он также будет в какой-то мере компенсировать пользователям разглашение их данных, тем самым прокладывая путь к более широкому социальному принятию повсеместного присутствия технологий¹⁸.

Однако, как представляется, включение в монетизацию обмена персональными данными лиц, служащих источником таких данных, не устраняет основной риск тотальной цифровизации общественных отношений — высокую степень вероятности манипулирования общественным сознанием и формирования псевдоинтересов с целью извлечения дополнительной прибыли владельцами применяемых цифровых технологий.

Главная проблема при этом состоит в том, что пользователи не смогут их осознавать, принимая за реальные интересы и стремясь их удовлетворить, например, приобретать не отвечающие их интересам товары, работы и услуги; вступать в явно невыгодные для них кредитные отношения; участвовать в обороте объектов игровых виртуальных площадок и т.п. При этом их воля как направленность на удовлетворение таких псевдоинтересов будет активно стимулироваться, даже поддерживаться видимостью ее автономии.

Опасность таких манипуляций с интересами может привести к неблагоприятным последствиям, причем для всего общества и государства, поскольку псевдоинтересы могут в обозримом будущем «потеснить» реальные интересы, что, в свою очередь, грозит уже цивилизационным кризисом.

Понимая это, государства предпринимают определенные усилия, связанные в основном с нормированием согласия на использование персональных данных, поступающих от пользователей информационных систем¹⁹. Так, в мае 2018 г. в Европейском Союзе начали действовать обновленные правила обработки персональных данных, установленные Общим регламентом по защите данных (Регламент ЕС 2016/679 от 27 апреля 2016 г. — General Data Protection Regulation — GDPR)²⁰.

В США используется иной порядок защиты данных о гражданине. Несмотря на отсутствие общей нормы, в которой устанавливается особый правовой режим информации, относящейся к гражданину, «приватность... защищается в рамках базового деликта, а использование информации о гражданине в рамках отдельных видов отношений (медицинских, страховых, трудовых и т.д.) определяется соответствующими профильными законами». Но и там уже растет

Computer Laboratory, September 2018 ; *Pal R., Crowcroft J., Wang Y., Li Y., De S., Tarkoma S., Liu M., Nag B., Kumar A., Hui P.* Preference-based privacy markets. IEEE Access, 2020.

¹⁸ *Sen S., Joe-Wong C., Ha S., Chiang M.* A survey of smart data pricing: Past proposals, current plans, and future trends. ACM Comput. Surv., 2013. № 46 (2).

¹⁹ См.: *Шахназаров Б. А.* Защита прав субъектов персональных данных в условиях развития информационных технологий и правовой охраны объектов интеллектуальной собственности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3 (79). С. 61—71.

²⁰ См.: *Терентьева Л. В.* Сфера действия Общего регламента о персональных данных ЕС // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3 (79). С. 82—93.

количество законодательных инициатив, связанных с защитой данных физических лиц²¹.

Нельзя не согласиться с тем, что любой вариант правового воздействия на рассматриваемую сферу отношений должен основываться на том, что «наш интерес — сохранить нашу идентичность, нашу свободу выбора, свободу волеизъявления»²².

Думается, если интересы имеют прежде всего общественную значимость и в рамках цифрового опосредования отношений стало ясно, что естественный порядок их формирования может быть нарушен, необходимо перестать считать их фактической данностью, качеством, присущим каждому участнику общественных отношений, и осознать необходимость их определения в форме права наиболее общего типа.

Такая постановка вопроса вынуждает определиться с пониманием интереса и тесно связанной с ним воли. Распространена позиция, состоящая в том, что интерес «является категорией объективно-субъективной, поскольку в праве не может быть интересов, которые не были бы предварительно осознаны»²³. Уточним, что в условиях новейшей цифровой реальности становится ясно, что формирование интереса действительно связано с оценкой действий, направленных на удовлетворение людьми своих потребностей, что, очевидно, совершается в результате последующей их рефлексии. Действия, оцененные положительно многими членами общества, причем неоднократно в различных обстоятельствах, выступают в качестве объективированного, но при этом исторически изменчивого интереса. Наиболее значимые для общества интересы приобретают форму субъективных прав, чаще всего конкретного типа.

Вместе с тем, если считать, что форму субъективного права следует придать самим интересам, то, очевидно, необходимо закреплять не содержание (которое исторически изменчиво), а свободу их формирования в части обеспечения возможности осмысления собственных действий по удовлетворению потребностей, без чего невозможно формирование интересов.

Без сомнения, создание псевдоинтересов достигается за счет ограничения времени на анализ действий (можно купить только в настоящий момент при частом обновлении ассортимента товаров), за счет невозможности или ограничения возможности уточнить обстоятельства, в которых протекают имущественные отношения, отсутствия альтернативы (необходимый товар продается только на определенной платформе) и т.п.

Применение таких манипулятивных техник не должно допускаться, поскольку очевидно, что они относятся к противоправным действиям, направленным на установление контроля над поведением участников отношений, на лишение их

²¹ Законы США, касающиеся конфиденциальности цифровых данных // URL: <https://www.ncsl.org/research/telecommunications-and-information-technology/state-laws-related-to-internet-privacy.aspx> (дата обращения: 07.11.2021).

²² *Дмитрик Н. А.* История, смысл и перспективы института персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 43—82.

²³ *Губин Е. П.* Обеспечение интересов в гражданско-правовых обязательствах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 7.

свободы выбора посредством изменения представлений, мнений, побуждений и целей в нужном некоторой группе лиц направлении²⁴.

Зарубежные исследователи считают необходимым закрепление для цифрового пространства когнитивной свободы и даже нейросетевых прав человека, включающих право на психическую неприкосновенность, психическую частную жизнь, психологическую преемственность²⁵. Представляется, что такая детализация может не дать охватить все аспекты, связанные с нарушением формирования интересов в ходе использования информационных систем даже в метавселенной²⁶. Так, сегодня немногие используют нейросетевые устройства, тем не менее, очевидно, испытывают манипулятивное воздействие владельцев социальных сетей, получая, например, микротаргетированную рекламу.

В пункте 1 ст. 21 Конституции РФ закреплено, что достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления. В широком понимании достоинство личности включает в себя и автономию личности, поскольку «позитивное нормативное содержание категории достоинства личности обязывает государство не только исключить произвольное вмешательство в сферу личностной автономии, но и обеспечивать каждому возможность всестороннего развития²⁷.

Представляется, что толкование указанного конституционного права может быть основой для правового обеспечения естественного формирования интересов в цифровой среде. Важно и то, что конституционность положения о достоинстве личности создает возможность ее развития в рамках как публичного, так и частного права, что, без сомнения, позволит наилучшим образом обеспечить защиту интересов.

С этой позиции представляется важным допущение как расширенного толкования действующего гражданского законодательства, так и его дополнение. Прежде всего новое понимание приобретают общие положения ГК РФ. Так, в пункте 2 ст. 1 ГК РФ определено, что «граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе». Законодатель, устанавливая указанное положение в качестве основного для гражданского права, очевидно, исходил из идеи о том, что человек имеет такой интерес и обладает волей.

Следует уточнить, что законодателем осознается, что воля и, соответственно, волеизъявление в отдельных ситуациях могут быть деформированы. Вследствие установления этого обстоятельства сделка, имеющая соответствующий порок,

²⁴ См.: *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 2003. 304 с.

²⁵ *Ienca M.* Do We Have a Right to Mental Privacy and Cognitive Liberty? // URL: <https://blogs.scientificamerican.com/observations/do-we-have-a-right-to-mental-privacy-and-cognitive-liberty/> (дата обращения: 07.11.2021).

²⁶ *Ienca M., Andorno R.* Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // *Life Sci Soc Policy*. 2017. № 13. P. 5.

²⁷ *Бондарь Н. С.* Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 4. С. 19—31.

может быть признана недействительной (ст. 170, 178, 179 ГК РФ). Таким образом, можно считать, что автономия воли обеспечена правом.

В отличие от воли, интерес понимается законодателем как присущая человеку константа, которая «предохраняет» его от совершения действий, ведущих к неблагоприятным последствиям как индивидуума, так и общества в целом. Однако, исходя из высокой вероятности манипулирования в условиях цифровой реальности общественным сознанием и установления вследствие этого псевдо-интересов, становится очевидно, что понятие «свой интерес», указанное в п. 2 ст. 1 ГК РФ, следует толковать как субъективное гражданское право наиболее общего типа: лица обладают правом на свой интерес.

Уточним, что право на свой интерес претворяется через другое право наиболее общего типа — право на действие по своей воле, реализуя которое, в свою очередь, лица приобретают и осуществляют свои гражданские права общего типа. Последние конкретизируются затем в способностях быть носителями прав (гражданская правоспособность, ст. 18, 19 ГК РФ), а также своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность, п. 1 ст. 21 ГК РФ). Соответственно, реализация права на свою волю и свой интерес происходит в цифровых системах в рамках способности к совершению сделки, а именно к заключению так называемых пользовательских соглашений.

Право на обладание своим интересом отличается тем, что его нарушение может быть невосполнимо. Поэтому в первую очередь законодателю следует устанавливать защитные меры, направленные на предупреждение любых действий, создающих угрозу его нарушению. В последние годы антимонопольными органами различных стран активно исследуется направленность использования персональных данных таких крупных информационных систем, как Google и Facebook²⁸. Однако первый опыт применения мер защиты оказался не полностью удачным.

В 2019 г. Федеральный офис по картелям Германии установил, что Facebook, занимая, по оценкам ведомства, 90 % национального рынка социальных сетей, собирает данные, даже если пользователи не нажимают кнопки Like и Facebook Login, но владелец интернет-портала использует инструменты анализа, разработанные Facebook, например Facebook Analytics²⁹.

Несогласованный сбор данных было предписано прекратить. Высший региональный суд Дюссельдорфа в августе 2019 г. отменил рассматриваемое решение, поскольку не усмотрел причинной связи между нарушением законодательства о защите персональных данных и антимонопольного законодательства. Было отмечено, что оспариваемая обработка данных проводилась с ведома пользователя и отсутствовали доказательства того, что Facebook получает согласие пользователя путем принуждения, давления, использования слабости воли или других несправедливых средств.

По мнению суда, пользователи должны были взвешивать преимущества использования социальной сети, финансируемой за счет рекламы (которая,

²⁸ CPI Daily News // URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/tag/data/>.

²⁹ Позднякова А. Э., Котова Д. А., Семенова Е. В. Вопросы конкуренции на рынке социальных сетей // Закон. 2020. № 2. С. 74—85.

следовательно, является бесплатной), и последствия, связанные с использованием дополнительных данных Facebook. Пользователи были в состоянии проводить такую оценку полностью автономно, в соответствии со своими предпочтениями и ценностями³⁰.

Приведенное решение демонстрирует подход, при котором свой интерес рассматривается как фактическое обстоятельство в смысле его обязательного наличия у лица, действующего в качестве субъекта права. Однако Федеральный офис по картелям Германии был, несомненно, прав, обнаружив прямую связь между неправомерным использованием пользовательских данных и возможными неблагоприятными последствиями для развития конкуренции, влекущей деформацию интересов или даже их утрату у пользователей, к которым не поступают иные предложения.

Завершая краткий анализ состояния имущественных отношений, опосредуемых информационными системами, следует констатировать, что они с высокой степенью вероятности сопряжены с манипуляций общественным сознанием, осуществляемой владельцами указанных систем с целью извлечения прибыли. Это влечет сомнения в том, что участники соответствующих отношений в действительности могут руководствоваться своим реальным интересом.

Свой интерес, являясь базисным критерием применения множества положений российского законодательства, необходимо обеспечивать с помощью положений как публичного, так и частного права, тем более что нормативные правовые основания для этого содержатся в Конституции РФ. Следует осмыслить свой интерес и свою волю как субъективные права наиболее общего типа, определить пределы их претворения и меры защиты, уяснив также соответствующие положения гражданского, антимонопольного, информационного законодательства, законодательства о защите персональных данных.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 4. — С. 19—31.
2. Губин Е. П. Обеспечение интересов в гражданско-правовых обязательствах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1980.
3. Дмитрик Н. А. История, смысл и перспективы института персональных данных // Вестник гражданского права. — 2020. — № 3. — С. 43—82.
4. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М. : Речь, 2003. — 304 с.
5. Негодаева О. Б. Изучение проблемы манипуляции сознанием в контексте риска // Проблемы науки. — 2012. — № 14 (14). — URL: <https://cyberleninka.ru>.

³⁰ Colangelo G. Facebook and the Bundeskartellamt's Winter of Discontent // URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/facebook-and-bundeskartellamts-winter-of-discontent/> (дата обращения: 07.11.2021).

ru/article/n/izuchenie-problemy-manipulyatsii-soznaniem-v-kontekste-riska-1 (дата обращения: 07.11.2021).

6. Позднякова А. Э., Котова Д. А., Семенова Е. В. Вопросы конкуренции на рынке социальных сетей // Закон. — 2020. — № 2. — С. 74—85.
7. Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2015. — № 1. — С. 43—66.
8. Терентьева Л. В. Сфера действия Общего регламента о персональных данных ЕС // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3 (79). — С. 82—93.
9. Шахназаров Б. А. Защита прав субъектов персональных данных в условиях развития информационных технологий и правовой охраны объектов интеллектуальной собственности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3 (79). — С. 61—71.
10. Щеглова И. А. Этические и правовые аспекты использования данных из социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 431. — С. 81—87.
11. Acquisti A., Taylor C., Wagman L. The economics of privacy // Journal of economic Literature. — 2016. — № 54 (2). — P. 42—92.
12. Four ethical priorities for neurotechnologies and AI / R. Yuste, S. Goering, B. Arcas [et al] // Nature. — 2017. — № 551. — P. 159—163.
13. Kramer A. D. I., Guillory J. E., Hancock J. T. Emotional contagion through social networks // National Academy of Sciences. — 2014. — № 111 (24). — P. 8788—8790.

